

ОТЧАЯНИЕ С РАСЧЕТОМ

ОГОНЁК

№27 2008

Президент Татарстана Ментимер Шаймиев высказался за ревизию путинской реформы 2004 года и возвращение к системе избрания глав регионов, а заодно осудил введение в школах «Основ православной культуры» и вообще «русский шовинизм». Это заявление не может быть случайным и непродуманным

Шаймиев—руководитель Татарстана еще с советских времен (председатель Совета министров с 1985 года, первый секретарь обкома—с 1989 года). Такие люди очень осторожны и никаких спонтанных выходов себе не позволяют. Чем же вызван неожиданный шаймиевский демарш? Когда осторожный и опытный человек идет на очевидно смелый и рискованный шаг, в его мотивах должны быть два компонента. Во-первых, он должен ощущать себя загнанным в угол. Во-вторых, у него должны быть основания надеяться, что смелый шаг может оказаться успешным.

Откуда могло возникнуть ощущение загнанности? В СМИ выступление Шаймиева связывали со слухами, что в московских властных кругах есть планы Шаймиева снять, заменив его каким-то более послушным и имеющим меньшую поддержку в Татарстане «московским татаринком», а название «президент» по отношению к руководителям национальных республик в составе России вообще отменить. (В стране может быть только один президент; покойный Туркменбаши из этих соображений отменил должность президента Академии наук.) Это и есть тот угол, в который оказался загнан Шаймиев. И дело здесь, очевидно, не только в страхе потерять власть. Дело еще и в потере самоуважения, в крахе всей политики Шаймиева ценой безусловной лояльности к московским правителям и организации для них нужных результатов общероссийских голосований сохранить хоть какую-то татарскую самостоятельность. Шаймиеву стыдно перед татарами, и он не может не думать о том, каким будет его место в татарской истории—умного и осторожного национального лидера, способствовавшего подъему своего народа, или безгласного «холопа» московского царя.

Критическое положение, в котором оказался Шаймиев,—одно из проявлений общего процесса дефедерализации России. Когда поддержавший Шаймиева его башкирский коллега Рахимов сказал: «Мы потеряли федеральное государство», он был не совсем прав. Потому что реально федерального государства у нас не было ни в советское, ни в постсоветское время. Федерализм предполагает разделение властей, и поэтому он в принципе не отделим от демократии и правового государства. Советский федерализм был неразрывно связан с ленинской коммунистической идеологией, имел абсолютно непререкаемый догматический характер. Тем не менее на деле федерализма в СССР быть не могло, ибо не могло быть и речи о разделении властей. СССР был одним из самых унитарных государств в истории человечества, хотя и с догматически федералистской идеологией. Постсоветское развитие России во многих аспектах повторяет советское («на новом высшем» или «на новом низшем витке спирали»—это как смотреть). Россия также начинает с провозглашения демократии, федерализма, полного равенства наций и чуть ли не их права на самоопределение. Татарстан вначале рассматривался даже как суверенное государство, находящееся в договорных отношениях с Россией. Но, как и в СССР, федерализм остался фасадом, а закрепленное в Конституции название «Российская Федерация» имеет сейчас такое же отношение к реальности, как и официальное название Советского государства («союз республик»). И по тем же самым причинам. Федерализм не возможен, если страной правит тоталитарная партия. Но он также не возможен, когда страной правят «безальтернативные» президенты, передающие друг другу власть. Он невозможен, как невозможен реальный парламент, реальные партии, реально независимый суд и т.д. Вся постсоветская история России—это история постепенного выстраивания единой властной вертикали, пронизывающей все общество и все уровни и ветви власти. При неспособности общества к демократии и самоорганизации этот процесс шел сам собой и почти не встречал сопротивления. Логическим завершением его является та модель, которую изначально предлагал Жириновский: полная ликвидация всех национальных республик (которые на деле давно уже не республики) с их президентами (которые давно уже не президенты), самого термина «Российская Федерация» (ибо это тоже никакая не федерация) и окончательный переход к системе губерний с назначаемыми губернаторами. Путин почти осуществил этот «план Жириновского». Но на самом последнем этапе возникают неожиданные трудности.

Наступление московского центра на регионы вообще и на национальные республики в особенности осуществляется ради управляемости и порядка. Но когда эти управляемость и порядок заходят слишком далеко, возникает «диалектический переход противоположностей»: они сами собой порождают неуправляемость и беспорядок.

Здесь опять-таки стоит вспомнить советскую историю. Советское государство не могло быть федеральным, как это предполагалось его фасадной Конституцией. Но оно не было и до конца

унитарным, как это предполагалось уставом КПСС. Москва была не в состоянии полностью контролировать национальные республики, в которых реальные нормы жизни просто были непонятны и неизвестны центру. И советские Кунаевы, Шеварднадзе и т. д., будучи на сто процентов лояльны кремлевским владыкам и выливая на них и на «старшего брата», русский народ, потоки лести, внутри своих республик были чем-то вроде царьков. Что творилось в этих республиках, какие в них были механизмы управления, какие кланы с какими делили власть—вникать в это центр не очень стремился (все спокойно, а начнешь вникать, спокойствия можно и лишиться) и даже не мог. Реальная система отношений московских правителей и правителей республик была ближе к феодальной системе отношений сюзерена и вассалов, чем к бюрократической системе отношений начальника и подчиненных. И первый звонок, возвещающий о глубоком кризисе советской системы, раздался тогда, когда Горбачев решил навести порядок, нарушил неписанные нормы и снял казахстанского Кунаева, назначив в Казахстан русского Колбина. Абсолютно неожиданно для ничего не понимающего центра возникли алмаатинские события 1986 года, сейчас полузабытые, но сыгравшие громадную роль в отказе Горбачева от дальнейшей централизации и переходе к попытке осуществить на деле формальный советский федерализм.

У нас Шаймиев, Рахимов, Илюмжинов—это аналоги советских Рашидова, Алиева, Кунаева. Однако постсоветская власть не имеет ограничений в виде коммунистической идеологии (ее идеология скорее национально-русская), а Путин уж очень стремился к управляемости, централизации и единообразию. И в этих стремлениях он подошел к опасной черте.

Шаймиев сказал о введении в школах «Основ православной культуры» и—шире—о всей политике унификации с черномырдинской образностью: «Не чеши там, где не чешется». Но в стремлении к тотальному контролю авторитарная бюрократическая власть всегда «чешет» там, где не нужно, и сама порождает ту дестабилизацию, которую стремится предотвратить. Не важно, были ли реальные планы снять Шаймиева (что было бы аналогией снятия Горбачевым Кунаева) и ликвидировать должности президентов. Может быть, это только слухи. Но это слухи, возникшие отнюдь не на пустом месте. Вся логика политики последних лет вела к ликвидации национальных республик вообще. Но на деле удалось ликвидировать только самые слабые и беззащитные национальные образования бурятов и коми-пермяков. Уже с Адыгеей это не получилось, пришлось отступить. Очень похоже, что опровержения официальными властями планов ликвидации президентств в национальных республиках после выступления Шаймиева—это тоже признак отступления. И есть ряд оснований полагать, что такое отступление может быть не только в сфере национально-территориального устройства, но и «по всему фронту».

При Путине процесс авторитаризации российской власти зашел очень далеко. Он, очевидно, дошел до пределов того, что возможно при сохранении демократического фасада. Дальше двигаться некуда, потому что движение дальше—это в конце концов переход к диктатуре. Как в сфере отношений центра и регионов движение дальше—это переход к открытому отказу от федерализма. Как в сфере идеологии движение дальше—это движение к официальной религии и открытому отказу от принципа деления религии от государства. Но такой переход не может произойти совершенно спокойно, за него пришлось бы платить (и ростом всяких «внесистемных» движений в России, и остракизмом со стороны мирового сообщества). Для перехода к диктатуре нужна очень сильная мотивация. А откуда ей взяться? Ни у Путина, ни тем более у Медведева нет никакой идеологии, альтернативной демократии, нет достаточной мотивации для того, чтобы отбросить демократическую (и федералистскую) форму.

Приняв решение соблюсти Конституцию и уйти с поста президента, Путин остановился, не сделал последнего шага. Но если решимости перепрыгнуть через черту, отделяющую имитационную демократию от открытого авторитаризма, нет, значит, от этой черты надо отходить. Уход Путина уже сам по себе был таким шагом назад, и очень похоже, что при Медведеве будут сделаны следующие шаги.

Шаймиев—человек, делавший карьеру при Брежнев, Андропове, Черненко, Горбачеве и бывший главой Татарстана при Горбачеве, Ельцине и Путине. Он должен быть чуток к сигналам, исходящим от власти и общества. И очень похоже, что сейчас он чувствует, что момент благоприятный, и его смелый демарш—и от отчаяния, и от расчета.